

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

Международная научная конференция

Чтения памяти

В. Ф. Минорского (1877–1966)

**Источниковедение и историография
стран Ближнего и Среднего Востока**

Санкт-Петербург,
8–9 октября 2013 г.

Тезисы и статьи

АБДУЛЛО Сафар

кандидат филологических наук,
 профессор Казахского университета международных отношений
 и мировых языков им. Абылай-хана (Алматы)

**«Шах-наме» Фирдоуси: ответ истории или потребность
 времени?**

Хотя такие понятия как «время» и «история», как и многие другие, придуманы людьми и в природе как таковые не существуют, но между ними есть противоречия, которых нет у многих людей.

Самое простое объяснение понятия «время» — это повторение явлений природы. Иначе говоря, если человек много раз с определенной периодичностью становится свидетелем цветения и созревания растений и плодов, восхода солнца на востоке и захода на западе, наблюдает снегопады, дожди и другие природные явления, то он ощущает само «время», которое течет всегда без возврата к прошлому, и только мысленно, благодаря воспоминаниям, человек может воспроизвести ушедшее время.

Можно дать этому два объяснения. Во-первых, поскольку понятие «время» появляется благодаря повторению природных явлений, оно однообразно (*yaknavochi*) и монотонно, и, во-вторых, поскольку оно устремлено в будущее, оно является преходящим.

В то же время понятие «история» нельзя назвать монотонным и преходящим. В связи с тем, что во времени происходят важнейшие события, которые выделяются на фоне других различных явлений, они, эти события, и становятся историей, которая остается в памяти человечества.

Следовательно, основным определением понятия «история» является слово «единственный» (в противовес однообразности

времени) и «вечность», «неизменность», «постоянство» (в противовес «преходящему», «временному», «проходящему»). По этой причине некоторые мыслители считают, что «время» это продукт внешней жизни человека, а «история» — продукт его духовной, внутренней жизни.

Здесь можно привести много примеров, которые можно рассмотреть в рамках этих двух категорий. Думаю, что здесь нет необходимости останавливаться подробно на рассмотрении этого вопроса, и я только ограничусь двумя примерами. Первый пример: политика. Политика — согласно известному определению — это наука или искусство использования возможного в рамках времени, ибо все ее законы и положения связаны с физической или внешней жизнью людей. Выражение «использование возможного» свидетельствует об этом. И наоборот, искусство — в широком смысле этого слова — это «история», потому что не только все его принципы и необходимости появились благодаря духовной, внутренней потребности людей, но и его цели находятся в человеческой душе — это победа над двумя характеристиками времени, т. е. над однообразным и преходящим временем.

Поэтому каждое великое произведение искусства создается в таком особом состоянии творческого подъема творца, что делает его вечным и непреходящим во все времена, потому оно остается непревзойденным (вопреки монотонности) и вечным (вопреки мимолетности). Следовательно, творец истинного искусства, обладающий божьим даром, вечно живет в лоне истории, отвечая потребностям истории, по сравнению с политиком, который живет в лоне времени и отвечает его потребностям.

Возникает вопрос, что является потребностью времени и каковы потребности истории?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить о

том, что для отдельной личности существует две формы жизни — физическая (или внешняя) и духовная (или внутренняя). Все, что связано с политикой, — управленческие структуры, государственная система и т. д., несомненно, создает физическую и внешнюю жизнь общества и находится в лоне времени. Поэтому это является однообразным и преходящим.

Но то, что в целом включает в себя совместные цели, помыслы, чаяния народов и исходит из внутренней духовности их жизни, находится в лоне истории и, согласно основному определению истории, является ее вечными и непреходящими особенностями.

Если в жизни того или иного народа (или страны) наступают такие времена, когда между его внешней и внутренней (физической и духовной) жизнью существует созвучие, тогда этот период времени называют золотым периодом истории.

Этому определению отвечает эпоха Саманидов, во время правления которых внешняя и внутренняя жизнь иранцев находилась в полной гармонии, хотя они правили относительно недолго. В рамках исламского халифата государство Саманидов было мощным и первым сильным иранским государством и вполне соответствовало внутренним потребностям иранцев, ведя к возрождению национального менталитета и национальной гордости, порождая чувства доблести, смелости, благородства, которые не только победили два или четыре «века молчания», подчинение арабам, но и привели к тому, что этот период превратился в один из самых лучших и благополучных периодов жизни иранских народов, который на века был запечатлен в «Шах-наме».

Если потребностью времени являются те же политические и государственные структуры, то кто может ответить этим потребностям? Ответ на этот вопрос может быть таким: политики, государственные мужи и эксперты. Они могут

«ответить» и положительно, и отрицательно. Они могут своими своевременными действиями и вовремя предпринятыми мерами продемонстрировать свои позиции, подобно Ахмаду бен Хасану Майманди и «Хасанаки-вазиру», каждый из которых выбрал свой путь во время правления Махмуда Газневида, но результаты проявления их позиции были противоположными.

Один из них остался везиром, другого повесили за инакомыслие. Но возникает вопрос: кто сможет «ответить» этим потребностям? И этот вопрос связан с тем, что «историческая необходимость» является не чем иным, как самыми затаенными мечтами и чаяниями народа.

Ответ такой — если мы считаем, что мыслителями являются те, кто компетентно может соответствовать подобным «потребностям», то никто не выступит против этого. Ибо они соответствуют подобным «потребностям» всегда в полной мере. Потому что «воля народа» и «историческая необходимость» никогда не признают сопротивление или противостояние. Поэтому определение своей позиции для данной группы гораздо труднее, чем для представителей первой группы.

Но каждый из них тогда добивается успеха, когда он находится на своем месте.

Если политик не отвечает «требованию времени» и думает только об «исторической необходимости», то он устраняет себя с поля действия и больше не будет тем политиком, которым должен быть.

И, наоборот, если настоящая творческая личность отвернется от исторической необходимости и сердце свое отдаст «требованию времени», то эта личность не только отдалится от основной цели или задачи искусства, которые смогут прорваться через стену «времени» и дойти до вечности, забудет мечты и чаяния своего народа, тогда результат будет для нас плачевным, ибо она (эта личность) не войдет в вечность и не станет тем, кем

должна стать.

Не будет у такой личности достижений, она не заслужит авторитета. Можно приводить много примеров. Временщики были во все времена, но остались они именно в пыли того времени, в котором жили. Они не остались в истории. Мы знаем много художников, поэтов и мыслителей, которые шагали в ногу со временем. Они создавали произведения на злобу дня, выполняли заказ власть имущих, но с приходом изменений в жизни народа их творчество потеряло свою значимость. Общество постепенно забыло об этих изменениях. У них происходило творческое разочарование, они испытали на себе горечь поражений и потерь, – то, что Фирдоуси никогда не испытывал. Он ни в своей жизни, ни в своем творчестве не допускал такой великой оплошности и отвернулся от «требуемой времени» и «преходящей действительности»: вместо того, чтобы с радостью пребывать во дворце Махмуда, он предпочел творить в своем домике в селении Бож, недалеко от Туса. Вместо того, чтобы воспевать походы и пиршества султана Махмуда, он воспевал подвиги Рустама Дастана. Не слился с придворными поэтами и катибами двора, а в одеянии богатырей восвал с дэвами, хищниками и ахриманами, творящими зло. Он переложил в поэзию многие древние сказания и истории, но ни слова не написал даже о самых важнейших событиях своего времени. Поэт смотрел на прошлое, но не заботился о карьерных выгодах: не стал одописцем, воспевающим власть имущих, подобно Унсурни, Фаррухи, Манучехри и другим придворным поэтам.

Он стал творцом национального эпоса иранских народов. Но для этого нужна была почва. Почву подготовили Саманиды. Именно в эпоху Саманидов, да и в начале правления Газисвидов, до тех пор пока те не начали подавлять инакомыслие, цели государства и народа находились в гармонии. И огонь этих двух

сил привел к осознанию иранцами своей национальной сущности, к тождеству и идентичности, которые были подавлены после завоевания Ирана арабами. И этот период стал одним из самых ярких и самых позитивных периодов истории иранцев.

Время породило Фирдоуси как вестника этой победы. Это было время торжества национальной души.

Как мы уже отметили, любой период жизни того или иного народа имеет свои потребности. Эпопея «Шах-наме» Фирдоуси соответствовала тем духовным потребностям, которые имели иранцы в этот период. Иранцы в этот период времени хотели придать своей жизни что-то новое, они ждали обновления, желали освободиться от духовного гнета. Они мечтали возродить свою жизнь, и в начале этого пути было много попыток. Вначале они противостояли омейядским и аббасидским халифам, которые стремились держать Иран полностью под своим контролем. Но эти попытки не давали желаемого результата. Антихалифские движения народа дали положительные результаты. Омейяды были свергнуты благодаря иранцам, и многие их сторонники были уничтожены. Это был в какой-то мере ответ на поражение иранцев в войне в местечке Кадисийа. Халифат перешел к Аббасидам, которые к иранцам относились немного лучше, но противостояния и трения, иногда открытые, иногда в скрытой форме, всегда существовали. Это можно увидеть в реакции местных династий, таких как Саффариды или Буинды. И иногда эти попытки приводили к тому, что аббасидский халифат почти дошел до своего исчезновения. Здесь можно вспомнить и о различных восстаниях, в частности знаменитом восстании под руководством Абу Муслима.

Саманиды, которые были подлинно иранской династией, создали одно из самых стабильных государств, папли общий язык с багдадскими халифами и, пользуясь случаем, получили возможность обеспечить фундамент независимости страны путем

возрождения иранской культуры и иранской духовности.

Важнейшим событием эпохи Саманидов было возрождение персидского языка. И то, что Фирдоуси говорил «я возродил Иран на языке фарси» — это не было просто лозунгом. Появилось огромное количество книг и в прозе, и в поэзии, и в различных отраслях науки, и была заложена мощная основа для возрождения иранской цивилизации после наступления исламского периода. Воспоминания прошлого и обращение к истории было одной из характернейших особенностей эпохи Саманидов. Между иранской культурой и исламской культурой установилось равновесие. На языке фарси создавали исторические хроники, светскую и религиозную исламскую литературу. Вспомним Абу-л-Фазла Балъами, который написал толкования к Корану на языке фарси, а также «Историю Табари», напомнив иранцам о том, что и в доисламский период истории Ирана, и в исламский период Ирана происходили события, достойные уважения. Именно в эпоху Саманидов продолжилось создание национального эпоса, которое было начато в эпоху Сасанидов. Я имею в виду «Хвадай-намаг» на языке пехлеви.

В этот период обращение к светлым страницам доисламского периода появилось в виде различных сказаний. Абу-л-Му'аййад Балхи и Абу Мансур Дакики испытали себя в этой сфере. Но они не довели до конца начатое дело, то есть переложение прозаической «Шах-наме» в поэзию. Абу Мансур Дакики рано был убит и не смог завершить эту великую работу. Его работу продолжил Фирдоуси. Именно Фирдоуси обладал всеми качествами, необходимыми для творца подобной книги. Он родился в семье дехкан, то есть тех землевладельцев, которые были хранителями национальных традиций и сказаний своего народа. По словам устода Ислами Надушана, город Тус являлся местом столкновения между национальными и религиозными идеями. Здесь можно вспомнить рассказ Пизоми-и Арузи-и

Самарканди в книге «Чахор макола» относительно того, что тело Фирдоуси после его смерти религиозные фанатики не разрешили похоронить на мусульманском кладбище, поэт был похоронен в родовом поместье. Это явно свидетельствует о фанатизме. В свою очередь, национальный дух и патриотизм именно в этом городе стремительно развивались.

Прозаическая книга «Шах-наме» Абу Мансура, которая на самом деле была переводом на фарси пехлевийской «Хвадай-намаг», созданной в эпоху Сасанидов, явилась основой для создания Шах-наме.

В этот период иранцы хотели быть уверенными, что они все еще живы. Образно говоря, они были огнем под пеплом. Фирдоуси убрал этот пепел, и запылал огонь. По словам устода Ислами Надушана, иранцы под игом омейядских и аббасидских арабов стали «аджамцами». Но они вновь хотели стать иранцами, а не оставаться аджамцами. Эпос «Шах-наме» Фирдоуси предоставил для них такую возможность. Следует отметить, что до Фирдоуси поэты *шуубийского* движения создавали отдельные произведения, по своей тематике совпадающие с мотивами «Шах-наме». Но такие высокие идеи требовали более мощной колонны. Необходим был другой Рустам, который бы стал хранителем Ирана, подобно тому, который был в эпоху Кайанидов. И на этот раз появился Абу-л-Касим Фирдоуси.

Но Фирдоуси ожидал чего-то большего от своего творения, большего, чем создание свода эпических поэм, в которых бы одна часть была мифологической, а другая часть — реальной историей Ирана. После внимательного прочтения поэмы подумалось о том, существует ли в мировой литературе какой-либо образец, сравнимый с «Шах-наме». На самом деле, трудно найти аналогию. В свое время устод Нодиртур сравнил «Шах-наме» со священными книгами, такими как Авеста, Библия и Коран. На первый взгляд, для человека, мало знакомого с текстом поэмы,

это сравнение кажется неуместным. На самом деле в этом сопоставлении видится нечто большее, чем простое совпадение. Все эти книги являются самыми читаемыми в течение многих веков. Фирдоуси свою эпопею начинает не с рассказа о мифологии и истории древнего Ирана, а с восхваления Всевышнего, потом переходит к повествованию о сотворении мира, Луны, Солнца, звезд и Земли. Далее рассказывает о создании растений, животных и людей, о разделении земли Фаридуном. История и мифология Ирана становятся тем стержнем, на котором держится эта великая эпопея. Иначе говоря, Фирдоуси никогда открыто не говорил о своей миссии, но, подобно пророкам, оставил человечеству книгу в надежде на то, что она найдет своих читателей во все времена.

На самом деле, если говорить по справедливости, «Шах-наме» Фирдоуси для иранских народов является настолько ценным и влиятельным произведением, что отдельные части его поэмы распространились среди них повсеместно, и востребованы больше, чем религиозные рассказы. Так было всегда на протяжении всего минувшего тысячелетия. Разве не удивительно, что на новогоднем столе Навруз-хафтсин часто вместо священного Корана ставят «Шах-наме» Фирдоуси. Уместно процитировать в этой связи слова «царя придворных поэтов» Бихора:

*Шах-наме, несомненно, является Кораном для иранцев,
И степень мудреца из Туса равна статусу пророка.*

Но Фирдоуси для создания такой книги нуждался в языке, на котором можно было передать все его размышления и помыслы. К этому он был готов. Некоторые считают, что Фирдоуси освободил персидский язык от арабизмов. На самом деле, его поэтический язык ничем не отличается от языка его современников. В задачу Фирдоуси не входило очищение

персидского языка от иностранных слов. Наоборот, ему нужно было обогатить и сделать более мощным новоперсидский язык, который возрождался после нескольких веков «эпохи молчания». Заимствованием лексики из иранских диалектов и доисламского языка фарси при создании поэтического произведения Фирдоуси обогатил язык поэзии своего времени и сделал его более выразительным. Нужные ему слова Фирдоуси находил в бессмертных творениях предков и наречиях древнего Ирана. Ни в коем случае нельзя отношение Фирдоуси к арабам искать в языке «Шах-наме». Лучше видеть в Фирдоуси поэта, который обогатил персидский язык, и всегда помнить о том, как он сам оценивал свое творчество:

*Джахон кардам аз хуррами чун беҳишт
Аз ин беш тухми сухан кас нақишт
Басе ранж бурдам дар ин сол си
Адҷам зинда кардам бадин порси*

*Мир я сделал процветающим подобно раю,
Больше чем это, никто не посеял семена слов.
Много трудился за эти тридцать лет,
Возродил Иран на языке фарси.*

Война, отраженная в «Шах-наме», не является лишь войной между Ираном и Тураном, между Востоком и Западом. Она идет во всем мире и против всех, кто лелеет мечту о том, чтобы в Иране утвердились ложь и несправедливость. Это бесконечная война за справедливость.

В мире «Шах-наме» богатырство не ограничивается демонстрацией силы и мужества на поле брани, оно показывает, что для настоящего героя и богатыря необходимы мудрость и рассудительность, поэтому в подвигах таких великих героев, как Рустам, Кай Хусрав, Сиявуш и других, героизм во многих

случаях сочетается с мудростью и разумом.

Для современников Фирдоуси значение поэмы состояло и в том, что образованный читатель увидел новый путь и обрел уверенность в будущем.

«Шах-наме» напомнило о прошлом, оживило это прошлое и выдающихся личностей древности в сознании современников поэта, чтобы придать людям земли, о которой повествует эта эпопея, высокий дух и смысл их существования.

Очевидно, что великая эпопея «Шах-наме» оказала огромное влияние на интеллектуальное наследие иранцев в последующие века: Асади Туси, Фахр ад-Дин Гургани, Низами Ганджави — все эти поэты воспевают древний Иран; Насир-и Хусрав становится поэтом-паниранистом, воспевающим мудрость древних; Хакани, Хафиз и многие другие в своих произведениях обращаются к древнему Ирану и воспевают его. Можно назвать еще сотни книг, где прослеживается влияние великой эпопеи, которой является непревзойденная книга, великий эпос «Шах-наме» Фирдоуси.

Имена великих героев поэмы Фаридуна, Рустама, Сиявуша и Сухраба навечно остались в истории новоперсидской литературы в Иране, Афганистане и Таджикистане.

Невозможно представить, что эти народы когда-либо смогут жить без свечка и путеводителя по жизни, которым является Фирдоуси и его великое, притягательное по своей силе произведение — «Шах-наме».